

МАНГАЛ

Бабка Фрося проживала свой век в родной Воробьёвке. Ей только-только перевалило за сотню, но соседи давным-давно уважительно величали её «наш древний экспонат». Жила бабулька скромно: копалась в огороде, водила гусей с того и кормилась. Её единственная дочь – бабушка Маруська – слыла теперь покладистой девкой. В молодости, было дело, покуролесила, но теперь уже много лет пребывала вместе с мамой, почитала её. Ещё в хате водился кот. Других сожителей у старух не было. Не было и родных.

В свою восьмидесятую осень дочка Маруся как-то предложила:

– Ды, мама, ды чаво ж мы на одну-то мою пенсию существуем? Давайте вам хочь какую копейку выхлопочем. Вон, картоху не покупают. Сорок мяшков сами-то что ль с вами поядим? Ехайте в район, хлопочить.

Бабка Фрося привыкла от зари до темна трудиться и совершенно не умела хлопотать по кабинетам. Лет сорок назад, когда она – бывшая до войны «элементом», а весь оставшийся век «пережитком», потому как богомольная – сунулась хлопотать о пенсии, с неё затребовали колхозные справки. В колхозе бабка не состояла, поэтому справок у неё не нашлось. Каким-то необъяснимым чудом, правда, паспорт себе всё же справила, но с тех пор о «хлопотаниях» она и слушать не желала. А по сему осадила «дочку»:

– Табе надо, ты и ехай. Чаво не хватает? Землю, как в те года, не отымают, картох Господь нонче сколь послал, авось продадим. Хлеб, вот он, со стола не сходит... – она взяла буханку, сунула дочери в нос. Потом поднесла к своему крючковатому и с наслаждением потянула воздух: – Это ж не хлеб – пасха! Когда лебеду ели и под праздник такой не снился.

Бабка Маруська покорила матери и решила сама на досуге съездить на счёт её пенсии.

И то верно, что на досуге. Теперь сельский год на исходе. До хлопотаний ли? Дожди на носу, а картошка не пристроена, огород не вскопан, дрова не колоты, трубу бы ещё к зиме переложить... «Ничего, женщины мы ищо – хоть куды. Бог даст, всё осилим».

Старшую бабку на огород последние лет пять провожала младшая. Нет, у бабки Фроси силушка в руках всё ещё пребывала, и в ногах немного прыти оставалось. Вот только чтобы передвигаться, эти «прыткие» ноги надобно переставлять, а как раз на это сил не осталось вовсе. С рассветом бабка Маруся выносила мать на закорках. Вынесет, установит в начале огородной полосы, перегнёт её пополам и вручит на потребу инструмент. Полоть, значит тяпку.

Копать, значит сапёрную лопатку. Так до заката бабка и движется по грядкам носом вниз, где лопаткой, а где и пальцами перетирает земной прах. Вечером – всё в обратном порядке: дочь мамку разгибает и транспортирует в хату.

Теперь уже неизвестно, сколько бы продолжался такой привычный уклад. Как-то, в ту осень, бабка Фрося отработала свой «трудодень» до срока, не стала дожидаться дочери, попыталась разогнуться без подмоги. Тут-то её нога и подломила. С закатом Маруська нашла мать лежащую в борозде и что-то бормочущую.

Врач прибыл уже к ночи. Осмотрел старуху, объявил: «Перелом». Ещё он рассказал дочери, что в таком почтенном возрасте переломы не устраняются. Потом отвёл бабку Марусю в сторонку и предупредил, что ей придётся туго: сердце у пациентки «как молодое», здоровье лошадиное. Когда-когда ещё помрёт, а до этого её лежащую надо обихаживать. Дочка пока ещё не понимала, что за беда приключилась в их хате, она с улыбкой отмахнулась.

Когда врач спускался с крылечка, он обернулся и спросил:

– Да! Старушка-то... приезжая что ли? Карточку-то её мы не нашли?

– Своя, своя, - закивала дочь, – усю жизнь наша, Воробьёвская. Она просто в больнице ишо не бывала, вот и... Здоровая она у мене, вот и...

Удивлённый врач покачал головой, улыбнулся.

И у старух началась новая непривычная жизнь.

Маруся теперь горбатилась за двоих. Благо, вскоре зарядили осенние дожди. Село раскисло. За порогом хаты стихла всякая суета. В порожние часы бабка Маруся присаживалась на мамину койку, устраивала бабку Фросю в подушки и обе старушки давили локтями подоконник. А за окном серо. Облетевшая груша царапает веткой стекло, намокший воробей нахохлился и скучает. Иной раз посерёд дороги угрызнет грузовик...

Первый снег выпал и сошёл. Второй улёгся надёжно. Вот и все новости. Хотя... одна новинка завелась-таки в убогонькой старушечьей хате. И название у неё заморское - «памперсы». Насколько сильно это явление «кусается», бабка Маруся сообразила скоро. Картошку она продала, пенсию получала исправно, скоро уже и гусей щипать-торговать – Рождество вот-вот. Обычно к концу года в хате заводилась копеечка, а теперь что-то её нет. Бабка Маруся стала смекать, что наступил досуг похлопотать в районе о маминой пенсии и собираясь с гусями на базар, она решила посетить собес. Матери, правда, не сказала, молча захватила её паспорт...

Воробьёвских гусей в районе ценили. Бабка расторговалась, когда ещё хмурилось декабрьское утро и прямоком – в собес. К вечеру подошла её очередь. Уставшая за день работница взяла у старушки мамин паспорт и с недоумением его разглядывала. Потом встрепелась и возмутилась:

– Что вы мне голову морочите? Какую вам надо пенсию? Какой ещё маме? Вам сколько? Восемьдесят? Ааа... понятно... А какой сейчас год? Ну да, ну да, двухтысячный. В здравом уме значит... А месяц? Ну правильно, декабрь... Ничего не понимаю.

Она с недоумением разглядывала пожелтевший паспорт с буквами СССР на корочке, где на первой странице внизу, в уголке, с жёлтой фотографии 3х4

застенчиво улыбалась пожилая крестьянка в чёрном платке, а год рождения этой самой крестьянки обозначался позеленевшими чернилами. Работница позвала:

– Лен, Люд, пойдите сюда, чего покажу.

Из-за соседних столов выпорхнули молодые чиновницы.

– Вот...

– Что? Какого года? 1899? Где это вы такой паспорт взяли? В музее? Какую пенсию? Ну-ка...

Одна из подошедших пощёлкала на компьютере.

– Нет у нас в районе таких. Не значится. Вы, бабуля, не староваты мошенничать-то? Какая ещё мама? Нет, ну предположим, мы вам верим. А документы? Что «паспорт-паспорт»? А справки? А нормальный паспорт? Другого нет? Ну не знаю. Это вам надо с начальником. Только его... Он... Знаете что, сходите в архив... или в райадминистрацию...

Когда столетняя бабка Фрося слегла, она по-настоящему испугалась. Быстро поняла, что голод и раскулачивание, в сравнении с беспомощностью, сущие мелочи. Всякий раз, если дочь исчезала надолго из вида, старуха волновалась. А вдруг что с Маруськой? Ей всякий раз грезилось, что дочь так же вот на огороде сломает ногу и будет лежать, пока весной не оттаёт. Поэтому мать и наловчилась кричать. Как только Маруська замешкается во дворе, бабка Фрося глубоко вдыхает, напрягается и... «Марусь... кхе-кхе... кяааа!» Передышка, и снова: «Марусь... кяаа-аа-ааа». Маруська, слышав придушенное «кяаа-аа-ааа» отвлекается от sprawy, прислушивается и: «Бягуу!!! Бягууу!!!»...

...Давно стемнело. Прикинув, что мама за день изволновалась и сорвала воплями глотку, Маруська безо всяких архивов направилась сразу к районному главе. Благо, до электрички оставалось ещё время. Ей редко везло, но в этот раз глава сидел в своём кресле. Водитель топтался в приёмной, ждал. Секретарша истомилась. Бабулю приняли сразу.

– Что у вас? Откуда? А, Воробьёвка? Воробьёвочка?

Глава, как и весь район, посмеивался на захоластными воробьёвцами. Уж больно потешно те разговаривают. Не «селёдка» говорят, а «сялёдка», не «пьют молочко», а «ядят молочкё». С непривычки так не сразу выговоришь.

– Так. На счёт пенсии... А собес что? Вот ведь бара... Ко мне-то зачем... отвертелись, парази... Что ещё за паспорт? Ну-ка... Это... Ого! Она что, живая?! Поможем, обязательно! Материальное это, да... Благостояние граждан. Вот ведь экспонат! Наш долг каждому... Принимать участие граждан... Поможем. Да-да. Езжай домой в свою эту... как?... да-да, Воробьёвку, хе-хе! Леночка, зайди! Отчёт ещё не отправляли? Переделайте... там это... Сколько хрычёвке-то? Ну, маме, маме! Сто? Рекордсмен района, показатели переделайте, мол, благодаря действиям руководства средняя продолжительность жизни в районе увеличилась на сколько-то там процентов. Идите считайте... Всё бабуля, домой, домой, к маме. Ждите, поможем... Леночка, запишите её: кто-что... и всё такое...

Потихоньку старушки свыклись со своими обстоятельствами. Поначалу искренне ждали обещанной помощи, потом забылось – перестали. Затянули пояса, как могли, и когда начался Великий пост, они не заметили на своём столе изменений. Бабка Фрося в пост обычно сама шкандыбала причащаться в соседнее село, где была церковь. Когда она осознала, что для причастия придётся приглашать священника домой, беспокоить его, она было передумала... Покумекала, да «куды денется» и послала дочь за попом.

Батюшка явился через три дня, как и обещал.

– Здравсьте хозяйки, мир вам. А, Евфросинья! Так вот кто у нас слёг! Конечно, как же не помнить! Феноменальная вы. Пятнадцать лет уже каждый пост удивляюсь, когда вы исповедуетесь. Да... Так что вы, готовы? Ну давайте. Сначала исповедь.

Священник проводил «Маруськую» в «запечью», чтоб не подслушивала, накрыл болящую епитрахилью и принялся слушать то, что выслушивал от бабушки из года в год. Она, как всегда, расплакалась и зашептала:

– Сколь годов вот уже молюсь, прошу Бога, чтоб прибрал. До финской ишо, когда папаню релюцанеры убили... Потом, когда Петенька в финскую исгинул... Я уж и плачу, всё прошу, прошу: Господи, приberi ты мне. За чево мне это... Столь годов, одно молюсь, одно прошу. Маруська измучилась... Чаво? Пост? А как жа, держим. Чаво? Нет, не ругаймси. Молитвы? Дак я их издетства читаю. Чаво? Как при царе-то жили? Дак, а чаво говорить-то? Всё помню... И как церкву у нас строили, и как архирей приезжал. Папаню тогда хвалил, как читает-то на крылосе. Ух, и голосистай был! И как рушили потом... А вот ты скажи: кажинный год всё спрашаю, как молиться, чтобы поскорей... За что мне такое наказание Бог послал... Да чево ты всё «нога»-то? Не нога наказание – жисть. Жисть – наказание... Лет сорок уж всё прошу, прошу... Какой это тебе грех? Не грех. Грех это – в петлю, руки на себе наложить, а молиться-то рази – грех? Какое ишо уныние? Уныние-то, знамо – грех. Да нет уныния-то. Молюсь, говорю, сил нету... На тот свет давно пора...

Батюшка причастил лежачую прихожанку. Перед тем, как Маруська его проводила, он пообещал рабе Божьей Евфросинье, что станет молиться, чтоб Господь её прибрал. Пообещал больше так, чтобы успокоить. Сам он и не думал просить у Бога смерти для своих прихожанок и на первой же литургии вынул частичку «о здравии и спасении рабы Божией Евфросинии». И, подумав, добавил от своего чистого молодого сердца: «И о еже умножитися ей лета живота ея».

...Христово Воскресение в хате встретили весело. Маруська придвинула к болящей койке стол, на стол водрузила жареного гуся. Каждую Пасху так. Зубов нет у обеих. Бывает, полижут, пошамкают. Кот уж за всех разговееется. Как смогли пропраздновали Светлую. Раз соседка в гости заходила, другой раз сосед наведася...

Накануне Дня победы Маруська одолела огород – посадила картошку. Трещины на руках забились землёй, чёрные пальцы перестали отмываться. С вечера оттирать их она поленилась. Потом пожалела...

А в День Победы радио играло марши, передавало Московский парад. Маруся стояла у рукомойника и железной щёткой пыталась привести руки в праздничный вид, когда к их дому подрулил УАЗик. Из него выпорхнула барышня с фотоаппаратом и ласточкой влетела в хату. Поздоровалась, назвалась корреспондентом районки и велела хозяйкам приодеться, потому что с минуты на минуту прибудет сам районный глава проводить старожилов-ветеранов, оказать достойную помощь, а она, значит, это торжество станет фотографировать. Бабка Фрося на своей кровати от волнения сразу онемела, а Маруся начала заикаться. С горем пополам корреспондентке всё же удалось выяснить, где у старушек хранятся чистые платки, найти их и повязать обеим «ветеранам» седые головы. Сразу после этого возле хаты заскрипела тормозами административная «Волга».

Глава появился в убогом жилище шумно. В руках барышни-газетчицы заклацал затвором «Зенит», вспышка ослепила старух и ещё больше их взволновала. Гость зашумел «речь», в которой говорилось, в том числе, и о достижениях района. Ну, как вот только что на митинге, перестроиться не успел. Окончив говорить, присел на кровать к болящей бабушке Фросе, расплылся в улыбке, и фотовспышка опять уколола старух сквозь влажные глаза прямо в мозг. Что-то говорил глава про оказание помощи пожилым, про выборы... От волнения старухи ничего не разобрали. Распрощался почётный гость так же внезапно и шумно, как и появился. Когда он вышел, в хате появился его водитель и сообщил хозяйкам, что всем ветеранам района от лица главы сегодня раздаётся «матерьяльная помощь», и что их «помощь» он в хату не понесёт, оставит на крыльце, «сами потом разберётесь».

После дорогих гостей бабка Фрося и её старенькая дочь Маруся долго сидели друг против дружки, всё не могли опомниться. Солнце в расшторенное корреспонденткой окошко заливало их комнату лаской. В солнечных лучах висели пылинки, растревоженные гостями. Протёртые половики заботливая газетчица сгорнула к печке, «чтоб гостям не споткнуться». Маруся отрешённо смотрела на древние доски пола. В одном месте, под слоями краски, бугрилась квадратная шляпка гвоздя. Из щелей в полу тянуло прохладой и плесенью. Когда она успокоилась, то спохватилась, что не спросила у начальника про мамину пенсию, но было уже поздно. Погоревала, вздохнула. Расправила половики. В окно увидала, что гости бросили калитку распахнутой и пошла её закрывать...

...«Матерьяльной помощью для ветеранов» в том памятном году стали сварные мангалы, которыми был завален склад маленького районного заводика. Железо, из которого их произвели, назначалось на ремонт вагонов, но нехстати приключилась всероссийская независимость и ремонт вагонов прекратился. Мангалы получились неподъёмными, богатыми, и сразу ржавыми. Раскупать их никто не торопился. На кой? На мясо-то денег нет. В комплекте к мангалу полагались и шампуры. Их произвели из арматуры. Надёжно. Однако даже в такой справной комплектации это страшное изделие не брали.

Пыльный мешок, в котором покоился очередной мангал, водитель главы оставил посреди крыльца. Бабка Маруся, шла закрывать калитку, сослепу его не заметила. Споткнулась, упала, сломала ногу, ушибла голову. До сумерек пролежала под праздничным майским солнцем на крыльце. Ни разу не охнула. Временами

приходила в память, пыталась подняться, а нога подламывается. Временами теряла сознание, и беззубый рот её начинал младенчески улыбаться.

Уже в сумерках заглянула соседка – увидела распахнутую калитку, забеспокоилась. А тут и болящая в хате, как раз, принялась петь своё «Марусь... кяааа!»

Черёмуха в ту пору ещё не отцвела...

Рабу Божию Марию отпевали там же, в хате. До церкви везти машины не нашлось. Хотя, кому её – машину-то – особо искать? Кое-как пристроили гроб подле маминой кровати. Батюшку соседка привезла – и то ладно. Батюшка ещё всё жаловался, что тесно, мол, вокруг гроба никак не просунуться.

Гремело кадило, Маруська лежала вся в черёмухе и улыбалась...